

М. И. Кудринский

Институт востоковедения РАН (Москва); kudrinski@gmail.com

The Journal of Indo-European Studies, vol. 41, No. 1—2, 2013

Очередной номер журнала почти полностью посвящен дискуссии, развернувшейся вокруг смелой гипотезы Джанфранко Форни (Gianfranco Forni) об индоевропейском происхождении баскского языка. Следует отметить, что это уже не первая дискуссия такого рода на страницах издания: так, в JIES 40 (2012) сразу несколько статей было посвящено обсуждению возможного родства языка бурушаски и индоевропейских языков.

Сама по себе идея о связи баскского языка с индоевропейскими не нова и неоднократно выдвигалась в прошлом авторами, в большей или меньшей степени апеллировавшими к методам традиционного сравнительного языкознания (небольшой обзор подобных работ представлен в [Trask, 1997: 368]). Большинство из этих авторов, однако, ограничивались в своих теориях обсуждением возможных древних контактов между баскским и индоевропейскими языками, а версия о непосредственном генетическом родстве никогда всерьез не обсуждалась (см., впрочем, любительские труды [Darricarrère, 1912; Griera, 1960]).

Сегодня немногие исследователи сомневаются в том, что еще до завоевания Пиренейского полуострова римлянами в конце первого тысячелетия до н. э. носители баскского языка могли находиться в контакте с индоевропейцами и, прежде всего, с кельтскими племенами, пришедшими на территорию к югу от Пиренеев по крайней мере на пять веков раньше римлян. Возможные контакты басков с кельтами, однако, не оставили заметного следа ни в грамматике, ни в лексике баскского языка; что касается последней, Р. Траск [Trask 1997: 369—372] приводит лишь около двух десятков баскских лексем, которые чаще всего рассматриваются в качестве вероятных заимствований из индоевропейских языков. При этом происхождение практически каждой из них по тем или иным причинам вызывает серьезные сомнения. Сам Траск был склонен считать фактическое отсутствие достоверных ранних индоевропейских заимствований в баскском удивительным и даже таинственным фактом [Trask, 1997: 372].

Гипотеза Форни, ставшая главной темой обозреваемого сборника и изложенная в его статье (Evidence for Basque as an Indo-European language, с. 39—180), опирается, главным образом, как раз на сравнение лексики. В качестве баскского материала Форни привлекает результаты реконструкции фонологии баскского языка, выполненной известным баскологом Л. Мичеленой [Michelena, 1985] на основе данных современных диалектов. Вслед за Р. Траском [Trask, 1997: 125] Форни называет реконструированное Мичеленой состояние языка прабаскским (Pre-Basque).

В своей статье Форни предлагает 126 лексических соответствий между реконструируемыми праиндоевропейским и прабаскским, отмечая, что, согласно принципам традиционной компаративистики, его сопоставления были ограничены областью базисной лексики. Тем не менее из объяснений автора непросто понять, какую именно лексику он относит к этой категории. Не снабжая свои слова конкретной ссылкой, Форни указывает, что выбор предлагаемых им когнатов основан не на традиционно используемом в подобных исследованиях списке Сводеша, а на некоем «стандартном списке базисной лексики, составленном в 2008 году для дальних сопоставлений» (с. 70). Согласно подсчетам Д. Кука (с. 265 в рецензируемом номере), в общей сложности около сорока процентов использованной Форни лексики не входит в расширенный 219-словный список Сводеша для баскского языка, приведенный в книге Р. Траска [Trask, 1997: 352—357].

На основании сравнения предполагаемых когнатов Форни выводит систему фонетических соответствий, связывающих праиндоевропейское состояние с реконструируемым Мичеленой прабаскским. Одной из отличительных особенностей прабаскской фонологии, согласно исследованиям Мичелены, являлось отсутствие глухих смычных в позиции начала слова. В свое время этот факт привлек внимание А. Мартинэ, который предположил, что глухие смычные могли встречаться в этой

позиции в период, предшествующий прабаскскому, однако позже подверглись аспирации и ослаблению сперва до спирантов, а затем до *h*, которое, в свою очередь, было утеряно в большинстве баскских диалектов в начале слова [Martinet, 1955: 370—388]. Форни интегрирует гипотезу Мартинэ (которая, к слову, не воспринимается как общепризнанная истина среди исследователей истории баскского языка, см., например, обсуждение в [Trask, 1997: 179—183]) в свою систему фонетических соответствий, что обеспечивает ему довольно значительную свободу при установлении когнатов (согласно Форни, праиндоевропейские **p*, **t*, **k*, **k̂* вместе с изначально аспирированными **b^h*, **d^h*, **g^h*, **g̃^h* в начальной позиции всегда соответствуют нулю в баскском). При этом Форни не стремится подтвердить свои этимологии, основанные на потере начальных смычных, соответствиями в тех диалектах баскского языка, которые, согласно Мартинэ, должны были сохранить *h* в начале слова. На потере начальных смычных основаны в общей сложности 26 из 126 предлагаемых в статье соответствий между прабаскским и праиндоевропейским.

Согласно реконструкции Мичелены, прабаскская фонология была лишена также фонемы /*m*/ во всех позициях. Форни использует этот факт, постулируя потерю праиндоевропейского **m* в большинстве контекстов в прабаскском (на потере /*m*/ основаны 14 предложенных этимологий). Чаще всего падение /*m*/ упоминается в статье в одном ряду с гипотезой Мартинэ о падении начальных глухих смычных (а иногда и как часть гипотезы Мартинэ, см. с. 41), так что после прочтения становится не очень ясно, высказывал ли сам Мартинэ когда-либо идею о потере /*m*/ в период, предшествующий прабаскскому, или этот фонетический переход следует целиком и полностью приписать авторству Форни. Ситуация осложняется тем, что автор, неоднократно упоминая Мартинэ, тем не менее ни разу не дает конкретных ссылок на его работы, из-за чего читателю, не очень хорошо знакомому с трудами по исторической фонологии баскского языка, требуется приложить некоторые усилия, чтобы установить источник и суть пресловутой гипотезы Мартинэ (французский лингвист неоднократно обращался к баскской тематике в своих исследованиях, см., например, [Martinet, 1950, 1962, 1981] помимо цитировавшейся выше работы [Martinet, 1955]). Подобная манера обращения с источниками, безусловно, не может быть отнесена к числу достоинств статьи Форни. (В общей сложности библиография исследования Форни включает в себя 11 книг, см. с. 180.)

Автором предлагается 23 списка фонетических законов, упорядоченных по принципу относительной хронологии (в общей сложности около 120 постулируемых звуковых переходов, согласно подсчету Д. Кука, с. 260). Сравнительно большое число предлагаемых изменений само по себе не является недостатком рассматриваемой гипотезы, однако тот факт, что значительная часть из них предполагает бесследное исчезновение исходных согласных фонем (помимо тех, что уже упомянуты, это праиндоевропейские **d* и **g̃* в начальной позиции, **p*, **d* (перед *e*, *i*), **g*, **g^h*, **k̂* в позиции середины слова), может насторожить внимательного читателя.

Пытаясь объяснить разительные отличия в грамматике между баскским и индоевропейскими языками, Форни предполагает, что морфология баскского языка должна была подвергнуться серьезной перестройке, после того как большинство грамматических морфем, унаследованных из праиндоевропейского состояния, подверглись значительной редукции под действием фонетических изменений. Тем не менее автор считает возможным предложить индоевропейскую этимологию для некоторых баскских грамматических морфем. Так, многие из баскских падежных окончаний, согласно Форни, происходят из праиндоевропейских предлогов, которые должны были использоваться предком баскского языка как послелогии: например, прабаскское окончание аблатива **-ik* предлагается связывать с п.-и.-е. **h₁eg^h(s)* (ср. лат. *ex* 'из', ст.-слав. *изъ*), а баскский локатив на *-n* — с п.-и.-е. **(h₁)eni* 'в' (лат. *in*, греч. *ἐν*). В то же время некоторые другие падежные окончания в баскском предлагается возводить непосредственно к реконструируемым для праиндоевропейского (например, баскское окончание родительного падежа *-en* сравнивается с п.-и.-е. окончанием генитива множественного числа **-om*).

Среди индоевропейских языков, согласно Форни, баскский наиболее близок кельтским языкам по причине схожести некоторых фонетических переходов. Как и во многих других случаях, говоря о связи баскского с кельтскими языками, автор не слишком точен и последователен в своих формулировках, поэтому для читателей остается не очень ясно, предлагает ли Форни считать баскский одним из кельтских языков или речь идет всего лишь об ареальном влиянии.

Форни заключает, что ему удалось доказать индоевропейское происхождение для 70% базисной лексики баскского языка, вследствие чего «совершенно неправдоподобно, чтобы баскский не был индоевропейским языком» (с. 134). В качестве аль-

тернативного объяснения Форни допускает, что баскский может являться креольским языком, донором для которого послужил один из языков индоевропейской семьи.

Как и следовало ожидать, гипотеза Форни была подвергнута критике с разных позиций в других статьях номера, причем ни один из комментаторов не признал свое согласие с основным выводом автора. Так, А. Касьян (Alexei Kassian. On Forni's Basque–Indo-European hypothesis, с. 181–201) отметил, что родство языков может быть установлено только исходя из множественных соответствий в базисной лексике, в то время как лишь 18 лексем из 126, рассматриваемых Форни в качестве когнатов, входят в 110-словный список Сводеша. Касьян указывает также на множественные неточности в отдельных предложенных этимологиях; в частности, в некоторых случаях Форни использует для сравнения в качестве индоевропейского материала осложненные суффиксами формы, в таком виде не возводимые на праиндоевропейский уровень. Так, например, Форни выводит баскское прилагательное (*h*)oc ‘холодный’ из п.-и.-е. **h₃eyg-st-*, в таком виде отмеченного лишь в лат. *auksts* ‘холодный’, а баск. (*h*)il ‘луна’ из и.-е. **meh₁n-IV-*, где суффикс реконструирован лишь на основании лит. *menulis* ‘луна’. Касьян обращает внимание и на неправдоподобный характер постулируемых фонетических изменений, которые не подкреплены достаточным количеством соответствий. Что касается сопоставления баскского языка с кельтскими, то, согласно Касьяну, оно не подтверждается лексикостатистическими данными.

Баскологи Х. Горрочатэги и Х. Лакарра в своей рецензии на статью Форни (Joaquín Gorrochategui, Joseba A. Lakarra. Why Basque cannot be, unfortunately, an Indo-European language, с. 203–237) обращают внимание на то, что баскский не демонстрирует никаких свойств, которые в той или иной степени присущи всем известным индоевропейским языкам, даже претерпевшим серьезные изменения в ходе исторического развития, как ирландский или персидский. Так, баскский лишен каких-либо следов типичных индоевропейских именных и глагольных грамматических категорий, не говоря уже об аблаутных чередованиях. Горрочатэги и Лакарра скептически относятся к идее Форни об утрате индоевропейской морфологии в связи с масштабными фонетическими изменениями. Они отмечают, что предложенные Форни звуковые законы затрагивают в основном начало словоформы, тогда как типичным местом выражения грамматических категорий в индоевропейских

языках является окончание. Также авторы подвергают критике выбор источников, непоследовательность отдельных этимологических сопоставлений и бессистемность предложенных фонетических переходов. Так, согласно звуковым законам, предложенным в статье Форни, баскский должен являться единственным языком индоевропейской семьи, демонстрирующим разное развитие для каждого из трех рядов реконструируемых заднеязычных согласных (**g*, **ǵ* и **g^w*).

Комментарии Б. М. Проспер (Blanca María Prósper. Is Basque an Indo-European language? Possibilities and limits of the comparative method when applied to isolates, с. 238–245) в основном связаны с привлекаемым Форни индоевропейским материалом. По мнению Проспер, в своих сравнениях Форни нередко опирается на неоднозначные или вовсе неподтвержденные индоевропейские реконструкции и постулирует фонетические переходы *ad hoc* для того, чтобы достигнуть желаемого результата. Проспер заключает, что, действуя таким образом, как Форни, можно доказать родство практически любых лексем.

Д. Бенгтсон (John D. Bengtson. Comments on “Evidence for Basque as an Indo-European language” by Gianfranco Forni, с. 246–254) отмечает, что Форни в своей статье игнорирует прочие гипотезы о генетической принадлежности баскского языка, в частности гипотезу о его принадлежности к синокавказской языковой макросемье, над которой активно работает сам Бенгтсон. Автор также подвергает критике некоторые исходные положения Форни, в частности используемую им прабаскскую реконструкцию Мичелены, а также его несистемный подход к доказательству языкового родства. Согласно Бенгтсону, принципиальная слабость теории Форни состоит в том, что он не пытается показать, как связаны между собой фонологические и грамматические системы рассматриваемых протоязыков.

По мнению известного кельтолога Д. Кука (John T. Koch. Is Basque an Indo-European language, с. 255–267), проблема древних связей между баскским и индоевропейскими языками, поднятая Форни, достойна внимания. Кук, однако, не считает, что баскский состоит в непосредственном генетическом родстве с кельтскими языками (на это указывают, в частности, различные рефлексодных и тех же индоевропейских сочетаний в пракеельтском и прабаскском, согласно Форни) или вообще принадлежит к индоевропейской семье (неправдоподобно, чтобы, находясь в окружении «родственных» кельтских и романских языков, баскский раз-

вивался совсем в другом направлении, потеряв все признаки индоевропейских языков). Кук критикует лишь некоторые из этимологий Форни, отмечая, что, если хотя бы часть из предложенных лексических сопоставлений имеет под собой основания, это может указывать на серьезное влияние индоевропейских языков на баскский в период до римского завоевания Пиренейского полуострова, отразившееся в масштабных заимствованиях.

Ответная статья Форни, завершающая дискуссию (*Evidence for Basque as an Indo-European language: a reply to the critics*, с. 268–310), ясно демонстрирует, что, несмотря на уничтожающий характер полученных комментариев, автор до сих пор оптимистично настроен по отношению к своей теории. Форни полагает, что недоверие к его гипотезе в основном связано с ее парадоксальностью, а в возражениях критиков содержится не очень много конкретики. Так, он указывает, что большинство отзывов на его статью содержит сравнительно мало замечаний по конкретным этимологиям.

Большая часть ответной статьи Форни посвящена ответам на отдельные критические замечания и разбору конкретных этимологий. В абсолютном большинстве случаев автор не соглашается с замечаниями рецензентов. Уровень дискуссии может продемонстрировать, например, решение оставить в силе соответствия, привлекающие не засвидетельствованные в индоевропейских языках суффиксальные образования, упомянутые, в частности, в статье А. Касьяна, поскольку они «в любом случае состоят из праиндоевропейских морфем», хотя и являются местными инновациями (с. 277). Форни отмечает, что его работа является пионерской, поэтому некоторые предложенные им фонетические законы могут быть впоследствии подвергнуты пересмотру.

Судя по активности на личной странице Д. Форни в социальной сети *Academia.edu*, рецензируемая работа — лишь первая в рамках его масштабного проекта по уточнению генетической классификации языков мира. Так, к концу 2014 года автор планирует опубликовать финальную версию аналогичной статьи об индоевропейском происхождении этрусского языка. Остается лишь надеяться, что один из ближайших выпусков JIES не будет посвящен разбору индоевропейско-этрусской гипотезы.

Остальные статьи в номере посвящены собственно индоевропейской проблематике. Темой статьи Т. Пронка (Tijmen Pronk. *Several Indo-European words for 'dense' and their etymologies*, с. 1–19) стал анализ некоторых праиндоевропейских слов со

значением «густой». Помимо всего прочего, автор предлагает новую реконструкцию для хетт. *pankuš* ‘весь, целый’, санскр. *bahu-* ‘многочисленный’, др.-греч. *παχύς* ‘толстый’ и других связываемых с ними лексем, этимологизируя праформу этих когнатов как сложное прилагательное $*db^h-(h_2)m\hat{g}^h-u-$, где первый корень сравнивается, например, со ст.-слав. *doblъ* ‘доблестный, мужественный’, а второй — с санскр. *amhu-* ‘узкий’, ст.-слав. *qzvkъ* и др. По мнению автора, первоначально данное сложное прилагательное должно было иметь значение ‘очень сжатый’ или близкое к тому, из которого затем развились прочие значения в отдельных индоевропейских языках. Впрочем, Пронк в своей статье почти не уделяет внимания обсуждению семантики предполагаемых когнатов, и его аргументация в основном связана с выявлением формальных соответствий. Не вся фактическая информация, приводимая Пронком, достаточно точна: так, хетт. *dapiš* ‘весь, целый’ (с. 4) в такой форме в текстах не отмечено.

Р. Матасович в своей статье (Ranko Matasović. ‘To hide’ and ‘to cover’ in Proto-Indo-European”, с. 21–34) рассматривает несколько глагольных корней со значениями «прятать» и «покрывать» и приводит несколько новых этимологических соответствий. Так, автор предлагает этимологию для неясного по своему происхождению др.-греч. *κόμη* ‘волосы’, связывая это слово с др.-в.-нем. *hemidi* ‘рубашка’, *himil* ‘небо’ и некоторыми другими именными образованиями, которые анализируются как производные от глагольного корня $*kem(H)-$ со значением ‘покрывать’, в чистом виде не сохранившегося в индоевропейских языках. Сравнительно много внимания в статье уделено обсуждению соответствия значений рассматриваемых лексем, автор подкрепляет предлагаемые модели семантического развития известными примерами аналогичных изменений в других языках. Матасович показывает, что глаголы «прятать» и «покрывать» в индоевропейских языках систематически связаны между собой и зачастую имеют общее происхождение, а к числу самых типичных именных производных от этих глаголов принадлежат существительные со значениями «крыша» и «дом».

Литература

- Darricarrère, Jean Baptiste. 1912. La langue basque est une langue indo-européenne. *Bulletin de la Société des Sciences, Lettres, et Arts de Bayonne* 33: 116–119.
- Griera, Antoni. 1960. *Vocabulario vasco: ensayo de una interpretación de la lengua vasca*. Privately published.

- Martinet, André. 1950. De la sonorisation des occlusives initiales en basque. *Word* 6: 224–233.
- Martinet, André. 1955. *Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique*. Berne.
- Martinet, André. 1962. Le sujet comme fonction linguistique et l'analyse syntaxique du basque. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* 57: 73–82.
- Martinet, André. 1981. La phonologie synchronique et diachronique du basque. *Euskaltzaindia*, pp. 59–74.
- Michelena, Luis. 1985. *Fonética histórica vasca*, 3rd edition. San Sebastián: Publicaciones del Seminario de Filología Vasca 'Julio de Urquijo' de la Excma. Diputación de Guipúzcoa.
- Trask, Robert Lawrence. 1997. *The History of Basque*. London: Routledge.